

СЕМАНТИКА И ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ МЕТАФОРЫ «ВОЛКИ» – «ОВЦЫ» В «ТАК НАЗЫВАЕМОМ ИНОМ СКАЗАНИИ»

О. А. Туфанова

Компилятивный памятник «Так называемое Иное сказание» (сокращённо — «Иное сказание»), составленный предположительно в Троице-Сергиевом монастыре из отдельных самостоятельных литературно-публицистических произведений и документов эпохи Смуты в 20-е гг. XVII столетия, охватывает довольно продолжительный по времени исторический отрезок (от смерти Ивана Грозного до царствования Михаила Романова)¹.

Художественный мир произведения пронизан разветвлённой системой метафор и символов, большая часть из которых восходит к традициям древнерусской воинской повести и агиографии, к ораторской прозе, в конечном же счёте в основе практически всех образов, взятых из мира природы для характеристики того или иного исторического лица, лежит библейский архетип.

Исключительно богато в «Ином сказании» представлен животный мир. Здесь встречаются птицы, домашние и дикие животные, пресмыкающиеся. Частота использования этих образов неодинакова. Так, имеющие фольклорное происхождение образы соколов и уток встречаются лишь один раз — в начале описания второй брани при Добрынищах². Один раз встречается в произведении и образ свиньи: соратников Болотникова войско Василия Шуйского «аки свиней, закалающе» (110). В то же время имеющие давнюю литературную традицию использования образы льва, ехидны, обобщающий образ диких зверей употребляются составителем «Иного сказания» гораздо чаще.

На этом фоне обращает на себя внимание восходящая к Библии и довольно устойчиво используемая составителем «Иного сказания» антитеза «волк/волки» – «овцы».

Впервые данная образная антитеза встречается в памятнике в финале рассказа о покорении Лжедмитрием I Северской земли в конце 1604 г. Сравнительно с другими историческими событиями длинное повествование о первых военных успехах и поражении Григория Отрепьева в пределах Русской земли имеет сложную ансамблевую 4-частную структуру. Первая часть, скупое повествование о победном шествии Отрепьева по Северской земле, выполняет роль экспозиции. Вторая часть посвящена осаде Новгорода Северского³, единственного города, не захотевшего покориться Лжедмитрию I. Третья часть содержит рассказ о битве подошедшего на помощь городу московского войска с войском Лжедмитрия. Наконец, четвёртая часть представляет собой риторическое заключение, подводящее итог описанным событиям.

Именно в последней, четвёртой, части и появляется рассматриваемая нами антитеза: «...и овча претворися въ хищника волка, и подшася поядати избраннаго овчате словеснаго стада Христова...» (32) (курсив наш. — О. Т.).

Традиционная для древнерусской литературы антитеза восходит, согласно наблюдениям многих исследователей, и в частности А. С. Орлова⁴ и В. П. Адриановой – Перетц⁵, к ветхозаветным текстам Библии и евангельским притчам. В Псалтири довольно устойчиво народ, верующий в Господа, уподобляется овцам: «... ибо мы — народ паствы Его и овцы руки Его...» (94: 7); «Познайте, что Господь есть Бог, что Он сотворил нас, и мы — Его, Его народ и овцы паствы Его...» (99: 3). Аналогичное уподобление народа овцам есть и в Книге пророка Иеремии: «Народ Мой был как погибшие овцы...» (50: 6). Нечто подобное наблюдается и в Книге пророка Иезекииля: «И узнают, что Я, Господь Бог их, с ними, и они, дом Израилев, Мой народ, говорит Господь Бог, и что вы — овцы Мои, овцы паствы Моей; вы — человеки, а Я Бог ваш, говорит Господь Бог» (35: 30–31).

Очевидно, составитель «Иного сказания», опуская в данном фрагменте вторую устойчивую параллель традиционной метафоры «пастух – стадо»⁶, следует довольно рано сложившейся в древнерусской литературе традиции в особо ответственные исторические периоды возвеличивать русский народ путём уподобления его «Христову стаду». Впервые подобный исторический смысл придал этой метафоре митрополит Иларион в «Слове о Законе и Благодати»⁷, позднее данная метафора была актуализирована книжниками периода строительства и укрепления Московского государства⁸ в XV–XVI вв. В XVII столетии метафоры «народ – овцы», «стадо Христово – государство» становятся, по наблюдениям В. П. Адриановой-Перетц, «постоянным приемом, почти независимым от авторской индивидуальности»⁹.

Но здесь, в риторическом заключении к эпизоду гибели Северной земли, наблюдается, на наш взгляд, возврат к первоисточнику — к Библии. Во-первых, в данном фрагменте метафора «овчате словесного стада Христова» углубляется за счёт другой традиционной метафоры, тоже восходящей к Библии, — «лоза насажденного винограда Христова». Например, в Евангелии от Иоанна читаем: «Я есмь истинная виноградная лоза, а Отец Мой — виноградарь» (15: 1), «Я есмь лоза, а вы ветви...» (15: 5).

Семантически метафоры «овчате словесного стада Христова» и «лоза насажденного винограда Христова» дублируют друг друга, обозначая православный русский народ. Обращают на себя внимание при этом эмоциональные повторы, наблюдаемые во фрагменте: дважды составитель указывает, что виноград насаждён Господом, овцы — «избранное» (32) словесное стадо Христово. В данном случае наблюдается намеренное акцентирование внимания читателя на том, что русский народ, как и народ Израиля в Ветхом Завете, — народ Господа и овцы паствы Его.

Расширение границ анализируемого фрагмента подводит к той же мысли. Осуждая страшную, полную «ужасти» борьбу «проклятого еретика со святоубийцею» в конце третьей части рассказа о битве под Новгородом Северским, составитель замечает, что они «не сами собою сражаются, но человекъцы отъ нихъ умирають и кровь проливають» (31–32). Двум самозванцам, дерущимся за власть, составитель противопоставляет обычных «человекъцей». В Книге пророка Иезекииля аллегорическое уподобление народа овцам завершает утверждение: «...вы — человеки,

а Я Бог ваш...». То же самое, но в обратной последовательности наблюдается и в тексте «Иного сказания».

Далее — ещё одна примечательная деталь. Помимо метафоры «народ» — «овчате стада», составитель «Иного сказания» употребляет ещё одну метафору: «каждый православный христианин» — «овча», «лоза насажденного винограда Христова». Причём автор специфически, через мотив оборотничества, вводит данную мысль в анализируемый фрагмент: «Гришка Отрепьев, бывший присно лоза насажденного винограда Христова, и отторжеся... и овча претворися въ хищника волка» (32).

Экспрессивно-негативное отношение составителя «Иного сказания» к Лжедмитрию I проявляется уже в самом начале риторического заключения, которое открывает длинная цепочка отрицательных эпитетов, несущих в себе лексему «зло»: «И тако злонравный отъ злаго своего злохитрства и суроваго обычая Гришка Отрепьев...» (32). Она находит своё продолжение и логическое завершение в двух отрицательных образах. Первый образ — «золь плодь», второй — «хищник волк».

К первому образу автор подводит путём небольшого биографического экскурса. Некогда Гришка Отрепьев был среди тех, кого составитель называет «лозой насажденного винограда Христова». Но затем отрёкся от православной веры. Падение Отрепьева, превращение из «овча» в «хищника волка» выделено путём градационной цепочки, где каждое слово усиливает страшный смысл свершившегося видоизменения: «...и отторжеся, и падеся, и лежа, прозябе золь плодь, еже вкушающимъ отъ него смертію умирати...» Именно этот приём градации вводит мотив превращения лозы виноградной — в «золь плодь», «овча» — в «хищника волка». А следовательно, и тему оборотничества: то, что должно было цвести и давать сладкий плод, грозит вкушающим от него смертью; тот, кто должен был быть кроток и невинен, живя во Христе, проливает «рѣки неповинныя христіанскія крови». В конечном итоге в финале эпизода реализуется ещё одна, обобщающего характера антитеза «жизнь» — «смерть».

В уподоблении «хищник волк» читается двойное указание на злобность и хищничество этого животного. Согласно словарям, волк — это дикое, лютное, хищное животное; и хищник — это тоже хищное животное. И хищник, и волк питаются представителями близких систематических видов. Эта двойственность становится особенно заметна при сопоставлении с другими эпизодами «Иного сказания», где встречается сравнение «аки волцы». Ни в одном более случае употребления этого сравнения добавочный эпитет «хищник» не упоминается.

Здесь же эта усиленная метафора играет двойную роль. Во-первых, таким способом составитель «Иного сказания» отграничивает ранее трижды использованное в памятнике сравнение «аки волцы» от данной метафоры, а во-вторых, косвенно указывает на источник происхождения данного уподобления. Действительно, в Книге Бытия патриарх Иаков в предсмертном пророчестве своим сыновьям сравнивает хищность колена Вениаминова с хищностью волка: «Вениамин, хищный волк, утром будет есть ловитву и вечером будет делить добычу» (49: 27). В Евангелии от Матфея Иисус Христос предостерегает учеников от лжеучителей: «Береги-

тесъ лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные» (7: 15).

Последнее, видимо, особенно актуальным представлялось составителю «Иного сказания»: ведь Гришка Отрепьев, принявший чужое имя, и есть лжепророк в овечьей шкуре. Он назвался святым для многих русских людей именем убиенного царевича Дмитрия, якобы чудом выжившего, то есть предстал в овечьей шкуре, а реальные дела его показали, что это волк хищный.

Ещё одной причиной усиления метафоры может быть желание автора подчеркнуть аллегорично развёрнутую картину: овцы — и волк, нападающий на «стадо Христово» и поедающий его. Данная метафора применялась древнерусскими книжниками изначально «для более наглядного изображения религиозно-нравственных представлений христианства»¹⁰, позднее она переносилась и на «светского главу государства, его подданных и врагов государства»¹¹.

Источником же этой метафоры в анализируемом фрагменте является евангельский текст. В Евангелии от Иоанна Христос предупреждает учеников: «А наемник, не пастырь, которому овцы не свои, видит приходящего волка, и оставляет овец, и бежит; и волк расхищает овец, и разгоняет их» (10: 12). На жестокость волка указывают и другие библейские тексты. Например, в Книге пророка Иезекииля жестокость гонителей Израиля уподобляется жестокости волка: «Князья у нее как волки, похищающие добычу; проливают кровь, губят души, чтобы приобрести корысть» (22: 27).

Очевидно, составитель «Иного сказания», уподобляя Лжедмитрия I хищнику волку, в данном случае проводит скрытое сопоставление этого исторического лица с библейскими князьями, с одной стороны, с другой — устойчивая взаимосвязь образа волка с мотивами крови и смерти в библейском тексте во многом проясняет стереотипность этой взаимосвязи, наблюдаемой и в тексте рассматриваемого памятника.

Надо сказать, что сравнение «аки волкы» / «аки волк» довольно устойчиво применяется составителем «Иного сказания» по отношению к целому ряду отрицательных персонажей. Всего в тексте 10 случаев использования этого сравнения.

В 4 фрагментах встречается аллегорически развёрнутая картина — волки, поедающие «овча стадо Христово». В анализируемом эпизоде битвы при Новгороде Северском: «...овча претворися въ *хищника волка* (здесь и далее подчёркивание и курсив мои. — О. Т.), и подщася поядати избраннаго овчате словеснаго стада Христова...» (32). В эпизоде нападения на Симонов монастырь о восставших под предводительством Ивана Болотникова: «Они же богоотступницы и разбойницы ... нападше на монастырь, *аки волцы*, на расхищеніе Христова стада...» (100). В эпизоде борьбы с мятежниками, руководимыми Петром Горчаковым, назвавшимся царевичем Петром: «Во смятении же томъ вси разбойницы изъ града на пустишася сѣтчи безъ милости, *яко же гладни волцы нападше*, расторгающе овцы...» (113–114). В четвёртом случае два образа сливаются в один: речь идёт о воеводе Михаиле Скопине-Шуйском, который «...супостатныя полки обтече и вся *овцехищныя волки* люто устраши...» (118).

В 6-ти случаях из 10-ти сравнение «аки волкы» сопровождают экспрессивные негативные эпитеты. Убийцы царевича Дмитрия — «юноши» «злочестивыи», «яко волцы немилостивии» (8). Лжедмитрий I в эпизоде, повествующем о событиях 18 мая 1605 г., уподоблен «зломысленному волку суровому и немилостивому» (56–57), в риторическом заключении к эпизоду битвы при Новгороде Северском он претворился в «хищника волка» (32). Мятежники, которых «устрасил» воевода Михаил Скопин-Шуйский, именуются в тексте — «овцехищныя волки» (118). «Крамолники», собравшиеся в Тушинском лагере, — «вси волцы и хищницы» (121). «Литовские люди», захватившие Москву, «аки немилостивии волцы» (126).

Восприятие образа волка составителем «Иного сказания» традиционно крайне негативное. Уже в эпитетах, которые сопровождают образ волка в произведении, проглядывает общий настрой составителя по отношению ко всем, кто творил Смуту в Русском государстве. При этом неразличение своих и чужих указывает на то, что в сознании составителя любой убийца вне зависимости от национальности, гражданства и возраста ассоциируется с волком.

Все те, кто нападал, разорял, «поедал» «овча стадо Христово», воспринимаются в качестве зла. Не случайно расширение контекста использования сравнения практически во всех случаях показывает доминантное звучание мотива зла, характеризующего нравственную суть всех убийц-врагов земли Русской. Так, убийцы царевича Дмитрия названы «злочестивыми» юношами; постоянный мотив, сопровождающий образ Лжедмитрия I в тексте, — мотив зломыслия; тушинские мятежники, сидя в своём лагере, «зло мыслять и творять» (121).

Другой постоянный мотив, сопутствующий образам врагов-волков в тексте «Иного сказания», — мотив кровожадности, который также становится очевиден при расширении контекста использования сравнения. Например, в риторическом заключении, завершающем эпизод битвы при Новгороде Северском, составитель ещё раз напоминает читателю о том, что Лжедмитрий I «...пролія рѣки неповинныя христіанскія крови...» (32). Разбойники под предводительством Болотникова несколько раз названы в тексте «кровоядцами» и «кровоядливими прелестницами», которые, как во время власти расстриги (98), «лакнуща крови христіанскія» и дальше на «христіанское кровопролитіе готовляшеся» (99). Аналогичным образом ведут себя те, кто встали под знамёна Петрушки Горчакова: «совокупишася на православных христіанъ, на пролитіе крови ихъ» (112). У литовцев «кровоядные руцѣ» (126).

Зачастую составитель вынужден признавать и фиксировать удачливость врагов-волков в сражениях. Но эта удачливость носит несколько необычный характер. Весьма часто военного успеха волкам-врагам удаётся добиться исключительно благодаря применённой хитрости. Так, Отрепьев смог победить подошедшее на помощь Новгороду Северскому московское войско только после того, как «съ хитростію на бой нарядився»: он велел коней и людей одеть в вывороченные медвежьи и овечьи шкуры. В риторическом заключении к эпизоду составитель вновь повторяет эту мысль: «...умысли злохитренными волшебствы своими, побѣдивъ отъ полковъ множество воинъ...» (32). В результате кони московского войска «начаша зело

мятися» (31), московскую силу, находившуюся «во смятении», воины Лжедмитрия «начаша боле побивати ... и во смятении томъ много войска побиша» (31); в итоге вся «Московская сила смятеся» (31).

Аналогичным образом сочетаются тесно связанные между собой мотивы смятения, битья и смерти, вводимые понятием хитрость, в рассказе об осаде Калуги. Опередив действия осаждающих, разбойники, предводительствуемые И. Болотниковым и П. Горчаковым, «улучивши время своему злему умышленію», ночью зажгли приготовленное не ими под землёй зелье. В результате и земля, и дрова, и люди, и щиты, и всякие другие «хитрости», приготовленные для приступа, взлетели на воздух, и «смятеся все войско» (113). Как голодные волки, «разбойницы» «во смятении же томъ ... изъ града напустишася сѣтчи безъ милости ... вси смятошася ... воеводы устрашишася и бѣгству вдашася», и всё воинство вслед за ними побежало, «разбойницы же ... вослѣдъ ихъ женуше и бьюше и сѣкуше безъ милости» (114).

Столь же необычно соединение понятий хитрость и коварство с вышеупомянутыми мотивами битья и смерти в эпизоде осады Новгорода Северского. Здесь сравнение «аки волцы» использовано весьма необычно, на что первым обратил внимание А. С. Орлов¹²: волкам уподоблены не осаждающие, а обороняющиеся. Жители города «тайно уготовиша щиты, и уставивше пушки и пищали, и сабли вознесше, и всякое оружіе встрѣчу имъ уготовиша, и сами, *яко волцы*, за щиты западше, и въ тайныя мѣста скрышася, и градъ отвориша» (29). Воины Лжедмитрия I ворвались в город — и тогда жители «начаша по всему войску бити» и всех, кто вошёл в город, «побиша ... и убиша» (29).

Составитель никак не комментирует поступок жителей Новгорода Северского; перед нами простая констатация факта. Появление же сравнения «аки волцы» в столь необычном для всего памятника контексте, применённое по отношению к положительным в целом персонажам (в сопоставлении с несомненно отрицательным образом войска Лжедмитрия I), обусловлено, видимо, тем, что в сознании повествователя присутствовал некий стереотип поведения и стереотипный набор качеств, присущих тому или иному животному. Очевидно, для составителя «Иного сказания» образ волка был прочно связан не только с жестокостью, сеюшей смерть, но и с коварством, хитростью, то есть в конечном счёте с неестественностью.

Последнее наиболее отчётливо прослеживается ещё в одном фрагменте памятника. Уговаривая Бориса Годунова взойти на царство, бояре повелели народу пасть на землю, не желающих это делать «созади въ шею пхающе и біюще, повелѣвающе на землю падати и, воставъ, неволю плакати; они же и не хотя, *аки волцы*, напрасно завоююще, подъ глаза же слинами могаще, всякъ каждо у себе слёзь сущихъ не имѣя» (15). В этом фрагменте, как и в предыдущих, образ волка связан с хитростью: не имея искренних слёз, люди, изображая плач, смачивали кожу под глазами «слинами».

Удивительно, но там, где составитель использует сравнение «аки волцы», часто в тексте появляется глагольная лексика с корнем *пад-*. Избитый народ падает на землю пред Годуновым, жители Новгорода Северского «за щиты западше», Отре-

пьев «и отторжеся, и падеся», соратники И. Болотникова «нападше на монастырь». Составитель словно играет разными смыслами: те, кто нападают или падают избитые, исполняя чужую злую волю, — нравственно падшие люди.

В целом, использование составителем «Иного сказания» метафоры «волки» — «овцы», восходящей в своей основе к библейским текстам и имеющей давнюю литературную традицию употребления в древнерусских агиографических, ораторских произведениях, воинских повестях, демонстрирует переосмысление хорошо известной древнерусскому читателю антитезы на новом историческом материале. Традиционное уподобление русского народа в публицистических текстах «овцам», «Христову стаду», а врагов Русской земли, и своих, и чужих, — «волкам» в тексте «Иного сказания» приобретает дополнительное звучание: старые метафоры насыщаются новым историческим содержанием, конкретными реалиями русской истории начала XVII столетия и осложняются перекличками с сопутствующими этим образам в Библии мотивами, превращающимися в повествовании о русской Смуте в ведущие характеристики конкретных исторических личностей.

¹ См.: Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. 2-е изд. СПб., 1913; Кушева Е. Н. Из истории публицистики Смутного времени // Уч. зап. Саратовского гос. ун-та им. Н. Г. Чернышевского. 1926. Т. 5. Вып. 2. С. 21–97; Буганов В. И., Корецкий В. И., Станиславский А. Л. «Повесть, како отомсти...» — памятник ранней публицистики Смутного времени // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1974. Т. 28. С. 231–254.

² Так называемое Иное сказание // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. Л., 1925. Изд-е 3. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. XIII. Вып. I. Стб. 32. Далее в статье текст цитируется по данному изданию, столбцы указываются в скобках.

³ Новгород Северский — второй по значимости город Черниговского княжества, расположенный на правом берегу р. Десны (ныне — город в Черниговской области Украины, административный центр Новгород-Северского района). Впервые был упомянут в 1044 г. в «Летописи путей» Владимира Мономаха, с 1098 г. — столица Северского княжества. После разорения войсками Батия в 1239 г. город принадлежал Брянскому княжеству, позже — Великому Княжеству Литовскому. В результате Ведровской битвы (14 июля 1500 г.) вошёл в состав Московского княжества, но во время Смуты (1604–1612 гг.) был захвачен Польшей. По условиям Андрусовского перемирия 1667 г. город вновь вернулся в состав России. В тексте «Иного сказания» город назван «Новый Сѣверский град».

⁴ Орлов А. С. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.). М., 1902. С. 32–33.

⁵ Адрианова-Перетц В. П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.-Л., 1947. С. 95–102.

⁶ Там же. С. 99.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 101.

⁹ Там же. С. 102.

¹⁰ Там же. С. 97.

¹¹ Там же.

¹² Орлов А. С. Об особенностях формы русских воинских повестей... С. 32.